

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА
о диссертации *Шаховой Марины Андреевны*
«Лингвокультурная адаптация как фактор аккультурации
(дискурсивные практики иммигрантов в современной Германии)»,
представленной на соискание учёной степени
кандидата филологических наук по специальности
10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое
и сопоставительное языкознание
г. Тверь, 2018

Диссертационное исследование М. А. Шаховой посвящено **проблеме** формирования и развития языковых компетенций в условиях адаптации и аккультурации иммигрантов во второй половине 20 – начале 21 вв. на примере Германии – одной из стран, испытавшей в этот период массовое поселение иностранцев на своих территориях. Работа выполнена в русле теории билингвизма и языковых контактов, теории межкультурной коммуникации, социолингвистики, германистики и контрастивной лингвистики, что обеспечивает интегрированный подход к изучению данного вопроса. Очевидно, что языковые новообразования в иммигрантской среде (на примере переселенцев из Турции, СССР и России) как сами по себе, так и их особенности, составляющие **объект** и **предмет** данного исследования соответственно, являются действительно интересным языковым феноменом, требующим особого и очень серьёзного подхода при изучении его специфических черт лингвистикой. Кроме того, миграционная активность и активируемые непосредственно ею языковые контакты являются очень наглядным и удобным примером для иллюстрации результатов этих языковых контактов в силу хотя бы многочисленности указанных выше миграционных групп. Более того, изучение и осмысление лингвокультурной адаптации мигрантов в динамике располагает великолепной возможностью для ее типологизации. Всё это свидетельствует о несомненной **актуальности** представленной диссертационной работы.

Научная новизна работы заключается в добротной попытке диссертантки М.А. Шаховой систематизировать и функционально

структурировать язык немецких иммигрантов, определить их языковые компетенции и способность к адаптации в новой языковой среде, культурно-лингвистическую дистанцию между исходной и принимающей культурами, объективные и субъективные факторы, влияющие на степень овладения и усвоения языка принимающей культуры (в том числе интерференция). Новаторским представляется и подход к составляющему **цель** данного исследования анализу форм лингвокультурной адаптации и их связи со стратегиями и типами культурно-речевого поведения мигрантов. Цель успешно решается в ходе выполнения грамотно поставленных **задач**.

Теоретическая значимость исследования обусловлена тем, что работа способствует развитию некоторых направлений лингвистики (теории двуязычия и дискурса, межкультурной коммуникации, теории языковых контактов, социолингвистики и др.), а также позволяет в определенной степени переосмыслить феномен и результаты языковых контактов в специфической среде (иммигрантской).

Объективность и достоверность полученных результатов обеспечивается широким охватом теоретических источников и практических материалов для исследования на русском и иностранных языках (133 источника, помимо 26 источников справочного и лексикографического характера) и достаточно солидной эмпирической базой исследования (120 текстов и текстовых фрагментов) из открытых источников – цифрового корпуса Kiezdeutschkorpus, Интернет-форумов и социолингвистических исследований. Проведён качественный и основательный анализ полученных данных с помощью **методов** сплошной выборки, индуктивно-дедуктивного анализа, лингвостилистического анализа, контекстного анализа, тематической классификации, сравнительно-сопоставительного и функционально-семантического методов и др., что позволило диссертантке достаточно полно определить и выделить специфические особенности, свойственные языку иммигрантов разных волн, описать новые явления,

получившие право на жизнь в результате языковых контактов "турецкий-немецкий" и "русский-немецкий", а также типологизировать существующие варианты и стратегии лингвокультурной адаптации в связи с выбранными стратегиями языкового поведения. Выявленные результаты подтверждаются достаточным практическим материалом.

Тем не менее, отметим, что собственно исследовательскую часть в разделе анализа стратегий языкового поведения русских иммигрантов можно было бы усилить за счёт использования большего количества материалов (см. с. 128–131 исследования – анализ немецкого языка русских иммигрантов). Кроме того, обобщая результаты проделанной работы, диссертантка делает ряд качественных выводов (с. 144–148), которые, на наш взгляд, следовало бы более подробно проанализировать, прокомментировать, логически упорядочить и, возможно, типологизировать с точки зрения того, чем может быть обусловлен выбор стратегий и приёмов языкового поведения, используемых обеими выбранными группами в тот или иной период; как выбранные стратегии и приёмы влияют на содержательный (лексический) аспект языка иммигрантов. К сожалению, автор работы практически не уделила внимания этому аспекту в части описания языка русских иммигрантов, хотя лексика, по мнению большинства лингвистов, является очень интересным и подвижным пластом, на примере которого очень удобно изучать языковую динамику вообще и, например, явление интерференции в частности. Та же участь постигла и синтаксический аспект. Исследование только выиграло бы, если бы автор исчерпывающе описала не только фонетическую и грамматическую стороны языковых новообразований, но и лексический и синтаксический, что позволило бы говорить о полноте картины их (языковых новообразований) описания. Данное замечание дискуссионного характера лишь задает перспективу дальнейших исследований и не умаляет достоинств настоящей исследовательской работы, одним из которых, в частности, является исчерпывающая полнота описания и

всестороннее рассмотрение грамматических и фонетических аспектов, например, интерференции при языковых контактах.

Представленное диссертационное исследование имеет несомненную **практическую значимость** для дальнейшего изучения межъязыковых контактов, лингвокультурной интеграции и адаптации, а также для практики перевода, благодаря анализу и описанию наиболее интересных источников художественной и медийной природы с точки зрения трансляции смысловой составляющей и культурно-исторических особенностей исходного сообщения. Кроме того, многие теоретические положения и иллюстративные примеры могут найти успешное применение в рамках преподавания лингвокультурологии, сравнительно-исторического, типологического и сопоставительного языкознания и смежных дисциплин. Более того, представленная работа вызывает интерес и раскрывает перспективы дальнейших исследований в области изучения сравнительной лингвокультурологии и теории дискурса, интерференции и стилистики.

Положения, выносимые на защиту, раскрывают суть работы и в достаточной степени обоснованы выводами, сделанными в ходе исследования. Выводы по главам отличаются логичностью и содержательностью. Тем не менее, позволим себе высказать замечание в отношении положений, выносимых на защиту. На наш взгляд, положение 6 собственно не требует защиты или доказательства, так как это всего лишь иллюстрация наличия подобных языковых новообразований, вошедших в обиход, тем более, что сама диссертантка на с. 120–128 и 139–140 исследования ограничивается лишь описанием существующих источников, использующих язык рабочих-гостей, немецко-русского-русского и т.п.

С точки зрения технического оформления в работе были замечены незначительные орфографические и пунктуационные погрешности (см., например, сс. 8, 25, 28 45, 52, 55, 73, 74, 77, 78, 104, 125).

В связи с проблематикой обсуждаемой диссертации хотелось бы задать

диссертантке следующие вопросы:

1. На с. 22 настоящей работы в таблице 1 представлены результаты анализа культурной дистанции групп иммигрантов от принимающей культуры. Какие источники были использованы для описания категорий «структура семьи», «материальный комфорт», «уровень образования»? Являются ли эти данные статистически и официально подтвержденными или основаны на других источниках? На каких? Тот же вопрос возникает в отношении таблицы 3 на с. 29 (один из факторов социальной дистанции – малая сплоченность группы Я1). На с. 30 диссертации дается описание вышеуказанной таблицы, однако, никаких ссылок на источники информации, полученной и представленной автором, не приводится. Можно ли прокомментировать данное замечание?

2. Во второй главе исследования диссертантка рассматривает такие понятия, как «социолект», «диалект», «социодиалект», «этнолект», «пиджин», «арго», «жаргон», «узус» и др., однако, по ходу работы многие из них лишь упоминаются и описываются как просто существующие феномены. В связи с этим возникает два вопроса. Во-первых, с какой целью рассматриваются эти термины без привязки к конкретным примерам в исследовании? Другими словами, насколько релевантны эти термины (арго, жаргон, пиджин и т.д.) для настоящей работы? Во-вторых, использование термина «узус», к сожалению, отмечено только упоминанием на стр. 85, хотя автором заявлена важность данного термина для исследования (см. главу 2). Прокомментируйте, пожалуйста, данное несоответствие.

3. Во второй главе работы, как было сказано выше, упоминается такое явление как пиджин. Данный феномен, однако, присутствует в работе лишь описательно, без связи с результатами настоящего исследования. Автор предпочитает подробно говорить об этнолектах, диалектах, социолектах и мультиэтнолектах и строить анализ именно с использованием этих терминов, неоднократно упоминая, тем не менее, что не только турецкие переселенцы используют упрощенные и укороченные модели общения с грамматической,

например, точки зрения, но и коренные немцы для упрощения общения также стали использовать данные модели при контакте с турецкоязычным населением, что является одним из признаков эволюции этнолекта в пиджин (традиционно, пиджин эволюционирует из этнолекта и далее происходит его креолизация). Хотелось бы получить пояснения, почему в работе отдаётся предпочтение анализу конкретно этнолектов и их деэтнизации, а такие явления как пиджин и креолизация остаются при этом не затронуты. Есть ли основания говорить о переходе этнолектов в пиджины и далее в креольский язык этом случае, и не будет ли целесообразнее и логичнее исследовать пиджины и креольский контактный язык (при наличии таковых на момент исследования)?

Еще раз подчеркну, что все вопросы носят дискуссионный характер и ни в каком случае не снижают достоинств представленной работы. В целом, можно констатировать, что диссертационное исследование М. А. Шаховой представляет собой законченное, самостоятельное научное произведение, в достаточной мере обладающее теоретической и практической значимостью, а также несомненными признаками актуальности и новизны. Текст автореферата и публикации по теме диссертации в полной мере отражают содержание работы. Диссертация прошла апробацию на международных научных конференциях. По теме исследования имеется 8 публикаций, из них 3 – в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК РФ. Диссертация Шаховой Марины Андреевны «Лингвокультурная адаптация как фактор аккультурации (дискурсивные практики иммигрантов в современной Германии)» соответствует паспорту заявленной научной специальности (10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание) и отвечает всем квалификационным требованиям, предъявляемым ВАК к работам данного типа в соответствии с пп. 9-14 положения «О присуждении учёной степени» утверждённого постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г.

№ 842 (редакция от 28.08.2017 г., № 1024). В связи с вышесказанным, считаю, что Шахова Марина Андреевна заслуживает присуждения искомой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание.

Кандидат филологических наук
(специальности 10.02.20 – сравнительно-историческое,
типологическое и сопоставительное языкознание)

И.А. Самохина

доцент кафедры иностранных языков
ВА ВКО им. Г.К. Жукова,
170100, г.Тверь
ул. Жигарева, д. 50
email: irina.samokhina@gmail.com

20 ноября 2018 года